

Цинь Чжэн натянул капюшон поглубже и, не обращая внимания на прохожих, принялся жадно пить прямо посреди улицы.

«Чистую жидкость девяти эликсиров» не купить ни за какие сокровища мира, а ведь кто-то умудрился доставить ему целый кувшин. И это внимание, это безмолвное участие трогало сильнее всего. Какими бы мотивами ни руководствовался безвестный даритель, чего бы ни добивался — сейчас, посреди чужого и холодного мира, Цинь Чжэн понимал: никто больше не сделает для него ничего подобного. Грудь сдавило от смеси благодарности и подступившей к горлу горечи.

Три месяца назад его сбросили с утеса за Виллой Обширных Холодов. Он выжил чудом, но это спасение казалось изощренным издевательством — жизнь его мало отличалась от медленной смерти. Поначалу Цинь Чжэн упрямо твердил себе, что потеря боевых искусств — еще не конец. Плохая жизнь все же лучше хорошей могилы. Мечтал найти глухой уголок, где его никто не знает, заняться фермерством или просить милостыню. На худой конец — постричься в монахи. Главное — держаться подальше от бурь поднебесной, а позорное клеймо предателя пускай уходит вместе с ним в гробовую доску.

Но реальность быстро отрезвила его. Жить ему оставалось от силы три года. На скудной земле урожая можно и не дожидаться. Попрошайничество с его вечной ленью и привычкой работать через пень-колоду тоже не сулило ничего, кроме голодной кончины. Оставался лишь один надежный приют — монастырь. В тихой святой обители он мог бы спокойно дотащить свою ношу до конца пути, а если повезет — даже получить монашеское имя и уйти в мир иной с чистой душой.

Подумав так, он твердо решил подыскать в этом пограничном городке действующий храм с хорошим приходом, чтобы заранее обустроить свои похороны.

Три месяца назад крестьяне из Городка Минувших Дней выловили его из реки. Местная прачка, полоскавшая белье на берегу, заметила плывущего по течению мертвеца с на удивление красивым лицом. Поддавшись греховному любопытству, она вытащила его на сушу — и обнаружила, что парень еще дышит. Невероятное везение, ведь обычно тела, приплывавшие к Городку Минувших Дней, никто не спасал. Их собирали здешние колдуны и пускали на удобрения для выращивания ядовитых гу.

Лишь позже Цинь Чжэн узнал, что городок этот лежит в границах страны Цючи — сильнейшего и богатейшего среди варварских государств Южного пограничья. Искусство ядов и проклятий Угу, которым славились здешние земли, нагоняло ужас даже на жителей Срединной равнины, старавшихся держаться от Цючи подальше. Однако Цинь Чжэн, прожив здесь три месяца, находил местных жителей вполне простодушными. Здешние нравы оказались далеко не такими кровожадными, как вещала пугливая молва на его родине.

Его пристанищем стал заброшенный храм в глухом лесу, в пяти ли от города. Годами

обделенная заботой развалина лишь изредка давала приют бродягам. Там Цинь Чжэн и обустроил свой временный дом.

Дни напролет он бродил по улицам, продавая целебные травы, собранные на горных склонах. Если торговля не шла, он развлекал прохожих уличными представлениями. Схватывая все на лету, Цинь Чжэн всего за три дня перенял у спасшей его женщины игру на баву. Этот южнопограничный инструмент не требовал трат: достаточно было взять кусок бамбука и проделать в нем несколько отверстий. Дешево, сердито и как раз под стать его нынешнему нищенскому существованию.

Любую заработанную монету он, едва утолив голод, спускал на вино. Пока фляга оставалась полной, Цинь Чжэн чувствовал, что его жизнь еще чего-то стоит.

Всего за три месяца он проделал путь от первого ученика Виллы Обширных Холодов до бездомного оборванца. Судьба швырнула его с вершины в самую грязь, но юноша рассудил здраво: пока он дышит, унывать глупо.

За этими мыслями и расспросами прохожих он незаметно дошел до единственного уцелевшего монастыря в округе.

Обитель звалась Храмом Спокойствия и Удачи. За ее невысокой глинобитной оградой высилась пагода, потемневшая от многолетнего дыма благовоний.

«На Юге верят не Будде, а колдунам. Раз этот храм так процветает в глуши, место здесь наверняка благословенное. Окончить свои дни тут было бы неплохо»

Он без лишних церемоний уселся прямо у входа, рассчитывая, что какой-нибудь добродетельный наставник увидит его лохмотья, умилился душой и заберет бедолагу в послушники.

Но расчет оказался неверным. Вместо благообразного старца на пороге показался монах с метлой. Он выглядел настолько свирепым, что ни о каком милосердии и речи быть не могло.

В поднебесной каждый знал неписаное правило: не связывайся с буддистами, особенно с теми, кто подметает дворы. Такой старец одним тяжелым взглядом мог лишить внутренних сил или довести до искажения ци. Цинь Чжэн невольно поежился и поспешно отполз в сторону, стараясь не загораживать дорогу.

Заметив развалившегося у ворот нищего, который прятал лицо под глубоким капюшоном и разил перегаром на три чжана вокруг, монах брезгливо прищурился. Однако говорить ничего не стал — лишь молча продолжил мести сухие листья.

Поняв, что его игнорируют, Цинь Чжэн обнаглел окончательно. Он припал к фляге, сделал

внушительный глоток, а затем и вовсе развалился на земле, закинув ногу на ногу и беззаботно покачивая ступней.

«Раз уж я веду себя так дерзко у всех на виду, служитель веры просто обязан подойти и прочесть мне нотацию о благочестии. А там слово за слово — и я попрошусь в монастырь»

Но монах упорно отказывался подыгрывать. Он методично мел землю. Когда нищий преграждал ему путь, он просто перешагивал через его длинные ноги, делал пару взмахов метлой, а затем шагал обратно, унося листья. Из-под капюшона Цинь Чжэн отчетливо видел, как служитель Будды то и дело закатывал глаза, но упрямо хранил молчание.

В конце концов у юноши лопнуло терпение. Подперев голову ладонью, он громко позвал:

— Преподобный! Мне не мил этот мир!

Монах, стоявший к нему спиной, замер, медленно обернулся и раздраженно бросил:

— Не мил — иди топись. В двух ли отсюда река. Привяжи побольше камней к ногам, чтобы наверняка, и дело с концом.

Цинь Чжэн лишился дара речи. Подобного яда от святого отца он точно не ожидал. Подогретый вином азарт требовал немедленно вступить в спор — хотя бы ради того, чтобы отплатить за эти унижительные перешагивания через него.

— Преподобный, я лишь запутался в мирской суете, но умирать пока не планировал, — возразил он. — Помогая Будде убирать опавшую листву, вы совершаете благое дело. Не сообразите ли сотворить еще одно чудо и спасти заблудшую душу в моем лице?

Монах окинул его недоуменным взглядом:

— У каждого своя судьба, свои радости и свои несчастья. Не мне соваться со своим спасением. Да и погляжу я на тебя — не больно-то ты страдаешь. Живешь припеваючи.

Цинь Чжэн оскорбился. Он резко сел:

— Да как же припеваючи, отче?! Поглядите на меня: голодный, раздетый, всеми презираемый бродяга! Пришлось у ваших ворот лечь, потому что больше некуда. И это вы называете хорошей жизнью?

Монах выслушал это причитание с абсолютным равнодушием:

— Раз у тебя есть силы глушить вино, значит, дела твои не так уж плохи.

— Вы ничего не понимаете, — не сдавался Цинь Чжэн. — Без этого зелья я испущу дух прямо тут, а умирать мне не хочется. Вот и приходится пить без просыху. Жизнь моя не ладится, на душе скверно, оттого я и пришел осквернять святую обитель в надежде, что вы явите мне милость Будды.

Монах язвительно усмехнулся:

— И какого же спасения ты ждешь?

Разговор наконец свернул в нужное русло. Цинь Чжэн торжествующе улыбнулся:

— Мечтаю принять постриг и до конца дней своих служить великому Будде!

Монах опустил метлу и впервые по-настоящему взгляделся в лицо юноши.

— В монахи захотел? — сощурился он.

Цинь Чжэн усердно закивал.

— Не верю, — отрезал подметальщик и снова отвернулся.

— Ну почему же не верите, преподобный? — не унимался наглец. — Я тут с самой зари сижу. Видел, как усердно вы трудитесь, и дышать громко боялся. Время уже к обеду, вам ведь тоже пора подкрепиться? Давайте по-быстрому примем меня в монастырь до трапезы, чтобы не тратить ваше драгоценное время.

Монах смел остатки листьев в кучу, вытряхнул метлу и направился к воротам. Вновь перешагнув через вытянутые ноги Цинь Чжэна, он вдруг замер, обернулся и выплюнул:

— Обнажил суть бытия, говоришь? Жизнь дала трещину, и ты решил укрыться за монастырской стеной? Постриг — удел сильных мужей, готовых отречься от любви и ненависти, от богатства и славы, чтобы без остатка посвятить себя служению. А теперь посмотри на себя! Роба довольная, язык без костей, несет сивухой. Ты ведь просто трусливо бежишь от того, что не в силах отпустить, и надеешься найти здесь жалость! Будде не нужны такие послушники, ты лишь осквернишь святое место своим присутствием. Если на душе скверно — сиди и думай дальше. А как полегчает — проваливай на все четыре стороны!

Высказав все это, монах зашагал внутрь, больше не удостоивая попрошайку взглядом.

Цинь Чжэн остался сидеть на земле, растерянно переваривая услышанное. Каждое слово монаха подходило к его ситуации как нельзя лучше, так почему же его выставили вон? В былые дни, на вершине славы, его мастерство владения мечом не знало равных. Он грезил о подвигах, мечтал искоренять зло и вписать свое имя в историю боевых искусств. Но судьба распорядилась иначе: наставник вонзил клинок ему в живот, разом перечеркнув годы преданности. Его лишили сил, прилюдно опозорили и изгнали. Разве все это не подходило под определение «крушения жизни»? Разве он не имел права отречься от суетного мира?

Попадись он сейчас на глаза кому-то из старых знакомых — жалкий, нищий, вынужденный дудеть в бамбуковую дудку ради корки хлеба, — кто поверил бы, что перед ними некогда великий мечник? То, чем дорожит любой мастер — верное оружие и годы изнурительных тренировок, — у него отняли без остатка. Теперь его ладони были пусты. Лишь старые мозоли от рукояти напоминали о том, кем он был когда-то.

Оружие он поднять больше не мог, да и былая страсть в груди почти угасла.

Бесчестье, убийство младшей сестры, покушение на жену наставника, кража священных сокровищ, сговор с Демоническим культом... Он покорно принял на себя груз всех этих страшных обвинений, не проронив ни слова в свое оправдание — лишь ради того, чтобы вернуть долг за годы заботы. Все случилось слишком быстро. Цинь Чжэн отчаянно жаждал узнать истину, но наставник предпочел разрубить узел одним ударом. Долг сыновней почтительности не позволил возразить, и юноша покорно принял кару, превратившись в безжизненную тень.

Все тайны он унесет с собой в могилу через три года. Ничья репутация больше не пострадает из-за этой грязи. Теперь ему было все равно. Сводить счета с жизнью он не собирался, но и докапываться до правды не хотел.

Коль терять больше нечего, можно пойти до конца. Раз монастырь не желает принимать его по-хорошему, он возьмет эти ворота измором. Вина во фляге еще хватало. Приняв решение, Цинь Чжэн лег поудобнее, плотнее закутался в дорожный плащ и закрыл глаза.

«Раз не берете к себе — буду спать у вас на пороге. И что вы мне сделаете?»

В неприметной чайной лавке неподалеку из теней бесшумно соткались несколько темных фигур, опустившись на колени перед Вэнь Тинъюнем.

Тот неспешно попивал чай, перелистывая старинный медицинский трактат. Спустя мгновение он негромко спросил:

— Куда он направился?

Один из лазутчиков, не смея поднять глаз, доложил:

— В Храм Спокойствия и Удачи.

Вэнь Тинъюнь поставил пиалу на столик и искренне недоумел:

— Зачем ему туда?

— Чэнь Дацзюнь пристал к местному монастырскому служке и требует, чтобы его постригли в монахи.

Вэнь Тинъюнь опешил:

— Принять постриг?! Удалось расслышать, о чем они говорили?

Лазутчик без утайки передал каждое слово. По мере его рассказа Вэнь Тинъюнь всё сильнее хмурился.

— Голодает, замерзает, спит на улице?.. Как же он докатился до такого...

Он покачал головой, сиюсь осознать услышанное:

— И утверждает, будто умрет без вина в тот же день?!

— Он действительно так выразился, господин, — ответил подчиненный. — Но сдается мне, Чэнь Дацзюнь просто хотел разжалобить монаха. Его речам вряд ли стоит верить на слово.

Вэнь Тинъюнь задумчиво покачал головой:

— Он не из тех, кто легко сдается под ударами судьбы. Скорее всего, надеется спрятаться за монастырскими стенами от лишних глаз. И что же, раз святой отец указал ему на дверь, он так и остался стоять на пороге?

— Именно так, господин. Я дождался, пока он крепко уснет, и лишь тогда поспешил с докладом. Должно быть, он и сейчас дрыхнет прямо у ворот.

Вэнь Тинъюнь лишь молча покачал головой.

Таилось ли в душе этого человека слишком много тайн, или же он действительно опустил руки и отрекся от всего на свете, раз вел себя столь беспечно?

В чайной лавке, когда они сидели друг напротив друга, оба прекрасно понимали, что маски

сброшены. Иначе Цинь Чжэн не бросился бы наутек при первой же возможности. И все же Вэнь Тинъюнь сознательно не стал развивать тему, давая беглецу понять, что не замышляет зла. Да, он знал, кто скрывается под именем Чэнь Дацзюня. Но он не собирался обнажать меч. Сейчас, когда за голову Цинь Чжэна во всех уголках Срединной равнины обещали баснословные награды, Вэнь Тинъюню пришлось перевернуть небо и землю, чтобы выследить его в этой глуши. Убедившись, что его давний знакомый хоть и влачит жалкое существование, но не растерял присутствия духа, он наконец смог вздохнуть спокойно.

Вот только за прошедшие семь лет Цинь Чжэн, похоже, напрочь его позабыл. Впрочем, так даже лучше. Вэнь Тинъюнь мог действовать свободнее, не утруждая себя лишними объяснениями. Пускай пока считают друг друга незнакомцами.

Он вновь перевел взгляд на страницы медицинского трактата и едва заметно улыбнулся. Раз уж он наконец отыскал своего беглеца, ускользнуть во второй раз у того не получится при всем желании.

<http://bllate.org/book/19742/2028877>